

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ
«ЧЕЛОВЕК (МЕХАНИЗМ) – ПРИРОДА»
В МАЛОЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА**

Н.Б. Бугакова

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Воронежский государственный технический университет

Исследование посвящено анализу взаимодействия человека и природы в малой прозе А. Платонова и выявлению индивидуально-авторских особенностей вербализации оппозиции «человек (механизм) – природа». В основе этого взаимодействия лежит отношение к человеку и природе с точки зрения мифопоэтической модели мира. Для Платонова как писателя характерно употребление определенных слов не только для того, чтобы изобразить определенные реалии, но и для того, чтобы создать модель мира своих произведений. Все функционирование художественных символов и образов в рассмотренных произведениях А. Платонова основано на введении автором в тексты своих произведений смысловых оппозиций, наполненных многослойной универсальной семантикой. Во-вторых, оппозиция «человек (механизм) – природа» выделена нами впервые, несмотря на достаточное количество исследований, посвященных функционированию бинарных оппозиций в мифопоэтической картине А. Платонова. Необходимость выделения этой оппозиции обусловлена большим количеством ситуаций в творчестве Платонова, когда человек противопоставляется природе. В рассмотренных произведениях очевидна эволюция взаимоотношений человека и природы. Нельзя не отметить очеловечивание Платоновым механизмов. Для лексической объективации рассматриваемой оппозиции автором используются лексемы природа, гада, дурак, машина, механизм, паровоз, употребляемые автором в значениях, зафиксированных в словарях.

Ключевые слова: человек, природа, машина, механизм, паровоз, вербализация, оппозиция.

При обращении к произведениям А. Платонова обращает на себя внимание непрерывно осуществляемое взаимодействие человека и природы. В основе этого взаимодействия лежит отношение к человеку и природе с точки зрения мифопоэтической модели мира. Считаю необходимым отметить, что важной составляющей мифологизма Платонова «является ... собственный автобиографический и литературный материал: это обнаруживается как в том, что отдельные персонажи и события носят явный автобиографический характер, так и в том, что в своих произведениях Платонов постоянно на уровне сюжетов и отдельных образов возвращается к своему предыдущему творчеству, ... комментируя свои собственные мифологемы» [Костов 2000: 49]. Для Платонова как писателя характерно употребление определенных слов не только для того,

чтобы изобразить определенные реалии. Помимо этого, автор использует словесные знаки, чтобы создать «цельную систему вторичных знаков, модель мира своих произведений. В силу укорененности этой модели мира именно в особенностях платоновского языка позволительно говорить об особой языковой модели мира платоновских произведений» [Костов 2000: 49]. Полагаем, что эта особая языковая модель мира Платонова способна отражать общие свойства мифологического мышления, такие как опредмечивание, одушевление неодушевленного, неразграничение слова и вещи, «свойственное мифомышлению представление об акте номинации как акте творения» [Костов 2000: 49].

Цель предлагаемого исследования – проанализировать принципы взаимодействия человека и природы в малой прозе А.Платонова и выявить индивидуально-авторские особенности вербализации оппозиции «человек (механизм) – природа». Материалом исследования послужили повести А. Платонова «Сокровенный человек», «Епифанские шлюзы», рассказы «Старый механик» («Жена машиниста»), «Лунная бомба» [Платонов 1984: 1: 2].

Известно, что большое внимание в своих произведениях писатель уделял всевозможным техническим изобретениям; герои рассказов и повестей Платонова изобретают вечные двигатели, аппараты, способные полететь в космос и т.п. Подобное увлечение героев техническими средствами возникает не просто так, здесь очевидны автобиографические истоки, поскольку сам Платонов был инженером (учился в Воронежском политехническом институте), изобретателем. В письме в издательство «Буревестник» Платонов писал: «... кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, поющий гудок и потную работу» [Платонов 2000: 358]. Только в 1927 году талант писателя победил талант инженера, и Платонов с семьей переехал из Воронежа в Москву. Однако тягу к инженерному делу писатель сохранил, она воплотилась на страницах его произведений. Поэтому большое место в текстах повестей и рассказов Платонова отводится именно механизмам и человеку как их создателю, однако необходимо отметить, что природа в текстах Платонова играет не менее важную роль. Введение в тексты своих произведений Платоновым образов многочисленных технических изделий обусловлено не только его личной тягой к машинам, но и духом времени. Очевидно, что рассматривать произведения писателя вне времени невозможно, поэтому и при анализе текстов Платонова важно учитывать время, в которое творил автор. Общепринятой тенденцией у писателей того времени было воспевать космос и машину. Платонов писал об этом: «Мы уьем машинами вселенную» [Геллер 1966: 38].

Повесть «Сокровенный человек», написанная в 1927 году, вполне соответствует эпохе. На первый план здесь выходит паровоз, а природа и

человек отходят на второй. И если в начале повести главный герой, Фома Пухов, сокрушаясь о смерти жены, утешает себя простым: «Все совершается по законам природы!» [Платонов 1984: 1: 155], понимая под *природой* «весь неорганический и органический мир в его противопоставлении человеку» [Ожегов 1997: 459], то буквально через несколько абзацев отношение Пухова к природе меняется: «На дворе его встретил удар снега в лицо и шум бури. – Гада бестолковая! – вслух и навстречу движущемуся пространству сказал Пухов, именуя всю природу» [Платонов 1984: 1: 156]. Герой называет природу «гадой», т.е. употребляет просторечную форму женского рода от существительного *гад* – «мерзкий, отвратительный человек» [Ожегов 1997: 371]. Снабжая употребленную лексему *гада* эпитетом *бестолковая* – «непонятливый, глупый, несообразительный» [Ожегов 1997: 369], Фома Пухов демонстрирует отношение к природе как к живому существу, которое, по мнению героя, должно быть способно к состраданию. Вместо сострадания природа наносит «удар снега в лицо», чем и разочаровывает героя. Однако Фома Пухов продолжает относиться к природе как к чему-то масштабному и очень важному. Когда ему предлагают в паровоз залить поменьше керосина и побольше воды, он реагирует следующим образом: «Тебе бы не советскую власть, а всю природу учреждать надо, – ты б ее ловко обдумал!» [Платонов 1984: 1: 178]. Для Пухова в данном случае природа – более сложное устройство, чем советская власть. Свои размышления о месте природы в структуре мироустройства Пухов выражает следующим образом: «Природа, брат, погуще человека!» [Платонов 1984: 1: 178]. Становится очевидно, что человек и природа в творчестве А. Платонова противопоставлены, выступая оппозицией. Однако это не умаляет роли природы, поскольку, с точки зрения автора, растительный и животный мир имеют такую же ценность, как и человеческая цивилизация. Эта тенденция прослеживается, например, в повести «Епифанские шлюзы», написанной А. Платоновым в 1926 г. Природа воспринимается как нечто глобальное, что невозможно осмыслить, что скорее наводит ужас: «Вот он, Танаид!» – подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водяной ход кораблям» [Платонов 1984: 1: 278]. В повести «Сокровенный человек» обнаруживается переломный момент, происходящий в сознании Платонова, а вместе с ним и в сознании героев его произведений. Так, Фоме Пухову приходит мысль о сравнении природы, т.е. «неорганического и органического мира в его противопоставлении человеку» [Ожегов 1997: 456] и человека, т.е. «живого существа, обладающего даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Ожегов 1997: 586]. Сравнение происходит не в пользу природы: «Пухов не глядел на море, – он в первый раз увидел настоящих людей. Вся прочая природа

также от него отделилась и стала скучной» [Платонов 1984: 1: 198]. Происходит отделение человека от природы, произошедшее в сознании героя. Об этом свидетельствует введение автором в текст повести прилагательного *прочая*, выступающего в качестве эпитета для существительного *природа*. «Прочий – остальной, другой» [Ожегов 1997: 586]. Становится очевидным, что человек выходит на первый план, а природа становится вторичной, «прочей». Человек вообще растет в глазах Пухова, становится сравним с природой по силе: «Эти ... путники ... были полны мужества и последней смелости, какие имела природа, вздымая горы и роя водоемы» [Платонов 1984: 1: 198]. Некоторое время люди «жили полной общей жизнью с природой» [Платонов 1984: 1: 198]; в процессе развития взаимоотношений человека и природы формируется противостояние: «Холодная ночь наливалась бурей, и одинокие люди чувствовали тоску и ожесточение» [Платонов 1984: 1: 201]. Люди начинают предпринимать попытки вступить в открытое противоборство с природой, с ее стихиями, не веря в бесполезность подобных попыток: «Люди что-то бешено кричали на «Шаню», но гром бури рвал их голоса» [Платонов 1984: 1: 212], «Ночь была непроглядна, как могильная глубина, но люди шли возбужденно» [Платонов 1984: 1: 211]. Описывая природу в рассматриваемых контекстах, автор сравнивает ночь с могилой, подчеркивая тем самым смертельную опасность, которую может олицетворять природа, но людям – героям А. Платонова – все равно, они готовы к противоборству и настроены победить. Об этом свидетельствует употребление лексемы *возбужденно* в качестве характеристики действия *шли*. Наречие *возбужденно* образовано от прилагательного *возбужденный*, т.е. активно отвечающий на раздражение [Ожегов 1997: 371]. Ситуация возникающего противостояния между человеком и природой обусловлена, на наш взгляд, тем обстоятельством, что природа в текстах Платонова олицетворяется, приобретает качества и функции человека, поэтому герои воспринимают природу как равную себе, наделенную человеческими качествами: «Начальник дистанции терпеливо слушал метель и смотрел поверх паровоза какими-то отвлеченными глазами» [Платонов 1984: 1: 189]. Начальник дистанции смотрит еще «поверх паровоза», что означает его небрежное, невнимательное отношение к этому механизму, это подчеркнуто и употреблением в качестве эпитета прилагательного *отвлеченные*, т.е. «обособленные, отдельные» [Ожегов 1997: 459]. Становится очевидно, что начальник дистанции не считает паровоз заслуживающим внимание объектом, поскольку его больше интересует метель как природное явление. Но перелом в отношении к механизмам уже наметился, это видно по тому, как механизмы (в данном случае паровозы) побеждают природу: «Через час, подняв пар, три паровоза продавили снежный перевал на путях.

Снег падать перестал. Дул ветер оттепели и далекой весны» [Платонов 1984: 1: 192].

И теперь уже паровозы начинают олицетворяться Платоновым: «Паровозы тихо сипели» [Платонов 1984: 1: 192]. Употребление лексемы *сипеть* – «Издавать сиплые, шипящие звуки / Говорить сиплым голосом» [Ушаков 2007: 896], – свидетельствует о нарастающей тенденции одушевлять паровозы, воспринимать их как живое существо и соответственно к ним относиться. Герой рассказа «Старый механик», например, на вопрос жены «Иль случилось что с ним, боль и поломка какая?» отвечает «у него палец греется» [Платонов 1984: 2: 56]. Механик Петр Савельич, посвятивший всю жизнь технике, и его жена, Анна Гавриловна, разделяющая увлечения мужа, относятся к паровозу, на котором работает герой, как к ребенку, потому что «семья Петра Савельича была небольшая: она состояла из него самого, его жены и паровоза серии «Э», на котором работал Петр Савельич» [Платонов 1984: 2: 58]. Вся жизнь героев вращается вокруг паровоза, все разговоры их только о нем и его состоянии, за которое жена Петра Савельича волнуется не меньше мужа: «ты мне всю машину искалечишь, а чего тогда с тебя взять?» [Платонов 1984: 2: 68]. Героя обижает такое недоверие жены к его профессионализму, поэтому он еще раз обращает ее внимание на свое трепетное отношение к механизму: «– Плохое масло я, Анна Гавриловна, не допущу. Плохое я сам лучше с кашей съем, а в машину всегда даю масло чистое и обильное, – зря говорить нечего!» [Платонов 1984: 2: 57]. Очевидно, что паровоз и его состояние для героя важнее, чем он сам. Небрежное отношение к машине, по мнению героев Платонова, является поводом к тому, что «и есть-то давать вам не надо: по вас вижу – поломали вы машину...» [Платонов 1984: 2: 58]. Такое отношение героя рассказа к механизму находится вполне в духе времени, которому, как уже было отмечено, соответствует А. Платонов; как у всех пролетарских поэтов, машина у него очеловечивается, а «человек приобретает атрибуты машины» [Геллер 1966: 39]. В этой связи обращает на себя внимание диалог механика Петра Савельича с женой, которая просит его не волноваться о паровозе: «может быть, ничего и не случится. Он, палец тот, сначала погрееется, а потом приработается – греться перестанет: железо тоже свыкается друг с другом» [Платонов 1984: 2: 58]. Жена механика, несмотря на то, что полностью погружена в проблемы мужа, не прониклась в полной мере любовью к паровозу и не способна воспринимать его как живое существо, что вызывает раздражение у Петра Савельича: «– Да какое там железо тебе! – негодуяще выразился Петр Савельич. – Тридцать лет с механиком живешь, а все малограмотная, как кочегар в банной котельной...» [Платонов 1984: 2: 58]. Реагирует на реплику жены механик «негодуяще», т.е. «возмущенно, сердито, разгневанно» [Ушаков 2007: 456], так как

механик искренне не понимает, как можно назвать паровоз железным. В картине мира старого механика паровоз – живое существо, способное болеть, страдать, чувствовать. На это он обращает внимание Кондрата, который «пальца не услышал» [Платонов 1984: 2: 66]: «Ведь он стонал и кричал перед тем, как ему повернуться в гнезде!» [Платонов 1984: 2: 66]. Даже не сам паровоз, а его части способны, как люди, в определенных ситуациях привлекать внимание криком и стоном. И когда Кондрат, оправдываясь, говорит, что было очень шумно, поэтому он не услышал палец, механик говорит, что «тогда надо было увидеть звук, если его слышать нельзя» [Платонов 1984: 2: 66]. По мнению механика, ради машины человек должен уметь совершить невозможное, т.е. увидеть звук. Петр Савельич, очевидно, один обладает таким умением, но соглашается передать его Кондрату: «Ну ладно, будешь сыном, я тебя научу» [Платонов 1984: 2: 66].

Рассказ «Старый механик» (в некоторых изданиях «Жена машиниста») создан А. Платоновым в 1940 г. Несмотря на безусловную любовь героя этого рассказа к технике, он понимает, что вне природы существовать машина не может, т.е. человек, механизм и природа находятся в определенной связи, и герой объясняет, в какой, по его мнению: «одну машину – это знать мало. Надо видеть всю целую природу – и погоду, и что у тебя на рельсах: мороз или жарко, и подъемы надо знать наизусть, и машина как себя чувствует сегодня...» [Платонов 1984: 2: 57]. Только учет всех этих факторов способен привести к успеху в таком нелегком деле, как работа на паровозе в качестве машиниста. Главного героя рассказа мысли о паровозе не отпускают ни на минуту, даже по ночам он размышляет о машине, вспоминает сложные ситуации, в которых им вдвоем приходилось бывать: «Ночь шла тихо ... сейчас холод сгущал ночную изморозь, и видимость ухудшалась, – интересно, но трудно было в эту пору вести машину с тяжеловесным составом на тендерном крюке» [Платонов 1984: 2: 57].

Окружающие с уважением относятся к Петру Савельичу, понимая его превосходство. Жена сочувствует ему: «должно, все тело затомилось на такой работе-то. Шутка сказать, а ведь ты у меня, Петр Савельич, механик!» [Платонов 1984: 2: 60]. Помимо того, что работа Петра Савельича воспринимается как очень важная, она оценивается еще и как трудная и опасная. Об этом свидетельствуют слова жены Петра Савельича: «Ну что ж, поезжай не спавши, – может, в хвост другому составу наедешь, либо весь паровоз на куски изувечишь, – тебя в тюрьму посадят, а я с тоски помру» [Платонов 1984: 2: 60]. Кроме того, в текстах Платонова возможны ситуации реального причинения вреда машиной человеку. Подобные ситуации обусловлены, на наш взгляд, мнением самого писателя относительно машин. Платонов писал: «Машина смертью пахнет» [Платонов 2019: 256]. Смерть от машины – распространенный

сюжет в творчестве писателя. Достаточно вспомнить рассказ «Лунная бомба» (в некоторых изданиях «Лунные изыскания»). Главный герой рассказа, Петер Крейцкопф (фамилия героя созвучна с названием детали паровоза), погибает от изобретенной им же самим машины, создание которой было целью всей его жизни [Платонов 1984: 1: 260].

Ситуация, когда машина причиняет вред, а не пользу (хотя, казалось бы, человек изобретает машины, или всякие «изделия», выражаясь языком Захара Павловича из романа А. Платонова «Чевенгур», как раз для того, чтобы максимально облегчить свое существование), описана, например, в повести «Сокровенный человек». В процессе расчистки железнодорожных путей от снега на одном из паровозов погибает помощник машиниста: «В будке лежал мертвый помощник. Его бросило головой на штырь, и в расшившийся череп просунулась медь – так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу» [Платонов 1984: 1: 165]. Описываемая ситуация показательна, во-первых, с точки зрения разрушающего воздействия машины на человека, а во-вторых, с точки зрения реакции на нее главного героя повести, Фомы Пухова, того самого сокровенного человека (сокровенный – «сокрытый, скрытый, утаенный, тайный, потайной» [Даль 2006 : 4 : 784]). Когда он обнаруживает «замечательный паровоз, все еще бившийся в снегу» [Платонов 1984: 1: 165], он думает: «Хороша машина, сволочь!» [Платонов 1984: 1: 165] и кричит, помощнику машиниста, чтобы он закрыл пар, обращаясь к нему «стервец». Эмблематично употребление прилагательного *замечательный* – «необыкновенный, возбуждающий удивление, восторг; выдающийся» [Ушаков 2007: 256], – в качестве эпитета к лексеме *паровоз*, который в очередной раз олицетворяется Платоновым при помощи употребления причастия *бившийся*. Описываемая автором картина борьбы паровоза со снегом в данном случае очень символична, поскольку образ паровоза – это образ страны, пробивающей себе дорогу к лучшей жизни [Геллер 1966: 47]. Помощника машиниста Пухов называет стервцом, т.е. подлым человеком, негодяем [Ожегов 1997: 756]. Очевидно, что человек в понимании Пухова недостойн внимания, в отличие от паровоза. Когда герой узнал о гибели помощника машиниста, его реакция была следующей: «Жалко дурака: пар хорошо держал!» [Платонов 1984: 1: 165]. По мнению Пухова, единственное, на что способен человек, – это обслуживать машину. Такое отношение героя к паровозу отражает точку зрения и самого автора повести, который, как известно, в достаточно раннем возрасте начал работать помощником машиниста, отец писателя также был машинистом; обстоятельства биографии писателя не могли не отразиться в его творчестве, поэтому герои произведений Платонова обязательно демонстрируют любовь к механизмам, используя для объективации механизма как части оппозиции «человек (механизм) – природа» лексику с положительной оценкой (напр., *замечательный*).

Природа как часть оппозиции «человек (механизм) – природа» вербализуется при помощи лексем, имеющих в национальной картине мира негативно-оценочную окраску (напр., гада, могильный, гром, буря). Подобное восприятие природы и человека типично для Платонова, но нехарактерно для национальной картины мира русского человека.

Завершая рассмотрение особенностей функционирования оппозиции «человек (механизм) – природа», отметим, что, во-первых, все функционирование художественных символов и образов в рассмотренных произведениях А. Платонова основано на введении автором в тексты своих произведений смысловых оппозиций, наполненных многослойной универсальной семантикой. Во-вторых, оппозиция «человек (механизм) – природа» выделена нами впервые, несмотря на достаточное количество исследований, посвященных функционированию бинарных оппозиций в мифопоэтической картине А. Платонова. Необходимость выделения этой оппозиции обусловлена большим количеством ситуаций в творчестве Платонова, когда человек противопоставляется природе. В рассмотренных произведениях очевидна эволюция взаимоотношений человека и природы. Нельзя не отметить очеловечивание Платоновым механизмов (об этой особенности мифопоэтической картины мира писателя упоминалось в начале настоящей работы). Для лексической объективации рассматриваемой оппозиции автором используются лексемы *природа, гада, дурак, машина, механизм, паровоз*, употребляемые автором в значениях, зафиксированных в словарях.

Библиографический список

Ушаков – Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Альта-Принт», 2007. 1178 с.

Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья / М. Геллер. YMCA-PRESS, Paris, 1966. 408 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. Т. 4: С-V. М.: РИПОЛ-классик, 2006. 1178 с.

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва» / Х. Костов. Published by Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, University of Helsinki, Finland, 2000. 325 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 956 с.

Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2019. 720 с.

Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: «Наследие», 2000. 424 с.

Платонов А.П. Собрание сочинений в 3-х томах. М.: Советская Россия, 1984.